

УДК 630 (09)(571.6)

Ю.И. МАНЬКО

Хроника лесного дела на российском Дальнем Востоке в период перехода от капитализма к социализму (1917–1922 гг.)

Приведены новые материалы по наименее изученному периоду в истории лесного дела на российском Дальнем Востоке. Показано, что события 1917–1922 гг. в России (революция, Гражданская война, интервенция, неоднократная смена правительств) обусловили нестабильную обстановку в лесном хозяйстве, нарушили сложившуюся систему управления лесами, способствовали стихийному, бесконтрольному пользованию земельными и лесными ресурсами. Подчеркивается, что общность взглядов старой и новой власти на лесные проблемы даже в этот сложный для страны период способствовала поиску путей сохранения и рационального использования лесов.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, переходный период от капитализма к социализму, лесное дело, управление лесами, лесопользование.

Forestry chronicle in the Russian Far East during transition from capitalism to socialism (1917–1922).
Yu.I. MAN'KO (Institute of Biology and Soil Science, FEB RAS, Vladivostok).

New materials about the least studied period in the history of forestry in the Russian Far East are introduced. It is shown that the events of 1917–1922 in Russia (revolution, civil war, intervention, repeated changes of government) caused unstable situation in forestry, broke traditional forest management system, led to spontaneous, uncontrolled usage of land and forest resources. It is emphasized, that common view of forestry problems shared between old and new governments even in such difficult period for the country supported finding ways of conservation and rational usage of forests.

Key words: Russian Far East, transition from capitalism to socialism, forestry, forest management, forest use.

К началу Первой мировой войны лесное дело занимало одно из ведущих мест в экономике российского Дальнего Востока. В государственном лесном хозяйстве Приморской области было 24, Сахалинской – 1 и Амурской – 19 лесничеств. Лесная промышленность, основу которой в регионе составляли частные предприятия, преодолевая конкуренцию со стороны маньчжурских лесопромышленников, набирала темпы и уверенно вставала на путь капиталистического развития. В 1913 г. на Дальнем Востоке России работали 56 лесопильных заводов с 98 рамами [14], фанерный завод и 2 спичечные фабрики. Огромная территория, расположенная севернее бассейна р. Уда, и Камчатка не были вовлечены в сферу лесохозяйственной деятельности [12].

С 1917 г. российский Дальний Восток, как и вся Россия, испытывал политические потрясения в связи со сменой общественно-политического строя в стране. Особенно продолжительно – почти до конца 1922 г. – этот процесс проходил на Дальнем Востоке [9]. С 5 на 6 марта 1917 г. отстранили от власти Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, и его функции были переданы комиссару Временного правительства по делам Дальнего Востока А.Н. Русанову.

МАНЬКО Юрий Иванович – доктор биологических наук, главный научный сотрудник (Биолого-почвенный институт ДВО РАН, Владивосток). E-mail: manko@ibss.dvo.ru

В этом же году было принято решение о национализации лесов. Временное правительство 10 октября 1917 г. ввело «Временные правила об охране лесов и их рубке», в которых речь шла о частных и общественных лесах. Согласно циркуляру народного комиссара земледелия Н.И. Фалеева с опубликованием закона от 10 октября 1917 г. об охране и отпуске леса, деятельность местных органов по заведованию государственными лесами в стране ставилась под контроль волостных, уездных и губернских земельных комитетов, образованных Временным правительством 21 апреля 1917 г. В Приморской области, как считала 31 октября лесная секция при управлении государственных имуществ, указанные правила могли бы найти применение только в крестьянских лесах, поскольку в области фактически не было общественных и частных лесов (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 78).

В стране, с одной стороны, опьяненной открывшимися возможностями демократических преобразований, с другой – напуганной ломкой существовавших традиций и законов, бурлила политическая жизнь. Возникали различные профессиональные союзы, созывались совещания и съезды. Эти события не обошли стороной и лесное ведомство.

В начале марта группа лесоводов в Петрограде подняла вопрос об учреждении всероссийского союза лесоводов и лесных техников, для чего было необходимо созвать съезд этих специалистов. Состоявшийся 28 апреля – 1 мая в Петрограде съезд, который открывал известный лесовод Г.Ф. Морозов [13], принял решение о необходимости организации отделений союза на местах и о созыве общеделегатского съезда не позднее октября 1917 г.

21 апреля в Хабаровске состоялось организационное собрание лесных чинов Приморско-Сахалинского управления государственных имуществ с вопросом о необходимости организации союза лесоводов и лесных кондукторов в связи с предстоящей реорганизацией всего лесного дела (РГИА ДВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 29). В Благовещенске 5 мая прошло частное совещание лесных чинов Амурской области под председательством войскового лесничего Иванова с вопросом о сроках проведения областного съезда лесоводов и лесных техников. Съезд назначили на 20–21 июля 1917 г., на нем должны были рассмотреть 12 вопросов, в числе которых – положение в деле управления и охраны лесов области (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 1. Д. 19; Оп. 2. Д. 50).

6–13 мая 1917 г. проходил съезд служащих Приморско-Сахалинского управления государственных имуществ, включая лесничих, таксаторов, заведующих лесничествами и помощников лесничих. До этого состоялся областной съезд лесных служащих в Никольске-Уссурийском, а также съезд делегатов лесной стражи (1–5 мая) и съезд лесных кондукторов. Присутствовали делегаты от лесной стражи (21 чел.), уполномоченные от съезда лесных кондукторов (2 чел.), члены съезда лесничих в полном составе, а также смотрители рыболовства и служащие канцелярии.

На съезде по лесным делам работали две секции. Первая, в работе которой участвовали лесничие А.Д. Лебедев и Т.Л. Гродецкий, лесные ревизоры М.Ф. Турзин и Н.А. Власов, рассмотрела состояние лесного хозяйства в регионе и его ближайшие перспективы, вторая, с участием таксаторов А.Н. Иванова, И.А. Жиромского, Д.М. Шмерлинга и лесничих А.А. Юркова и Н.Н. Заушкевича, – состояние лесоустройства. На пленарном заседании 9 мая были обсуждены постановления съездов лесной стражи, лесных кондукторов, доклады лесных ревизоров Л.П. Хомякова о будущей организации лесного хозяйства и М.Ф. Турзина об организации управления лесным делом.

Второе пленарное заседание 12 мая было полностью посвящено обсуждению реорганизации лесного отдела управления, рыбного отдела и канцелярии. Делегаты предложили немедленно учредить на местах коллегии лесничеств, а вопросы назначения и увольнения лесников и объездчиков, а также распределения объездов и обходов возлагать исключительно на лиц, выбранных лесной стражей; на заседания совета стражи может приглашаться лесничий или лесной кондуктор с правом совещательного голоса; было предложено сократить институт лесных ревизоров, а вместо них выбирать лесоводов-инструкторов, круг обязанностей которых был установлен (созыв районных съездов, ведение курсов для

стражи, курирование вопросов семеноводства и лесных культур, популяризация лесных знаний, и т.д.); на заседании также посчитали необходимым привлекать лесных кондукторов к участию в лесоустроительных совещаниях, предложили пути разрешения конфликтных ситуаций между кондукторами и таксаторами, лесной стражей и лесничими.

Отдельный вопрос был посвящен материальному положению рыбного надзора и лесной стражи, которой предлагалось дать право организовывать съезды в пределах лесничества; обсуждались также размер оплаты, вопросы пенсий, лечения, страхования жизни, обучения детей и другое – всего 24 вопроса. По поводу лесных кондукторов в решении было 12 пунктов, среди которых вопрос о командировочных (прогонных), окладах; предлагалось лесных кондукторов впредь именовать лесными техниками.

В решении был специальный раздел о лесном образовании. Предлагалось определить норму знаний для должности лесного кондуктора, организовать в Приамурье среднюю лесную школу, а также просить Лесной институт и Лесной департамент о командировании в регион профессоров лесоводства, лесоустройства и лесной технологии для чтения лекций, о введении должности подлесничего, и т.д. Была подчеркнута необходимость коллегиальных решений по поводу реорганизации управления государственных имуществ. Участники совещания считали, что коллегия, возглавляемая управляющим, должна состоять из выборных делегатов от всех служб управления, включая лесную стражу, рыбный надзор, лесных кондукторов и служащих канцелярии.

На съезде было обращено внимание на то, что кедровые леса, доля кедра в которых от 0,2 до 0,5, составляют только 10 % от общей лесной площади, но служат основным объектом лесозаготовок. Под влиянием рубок, пожаров, а также в результате передачи в переселенческие участки их площади сократились не менее чем на 30%. По мнению делегатов, следовало бы снизить чрезмерный отпуск кедра, заменяя его другими породами. Было отмечено, что в регионе не хватает квалифицированных кадров – дипломированные лесничие составляют около 40 % общего их количества, и что лесистость районов должна быть не ниже 40 %. Съезд постановил открыть три опытных лесничества – на базе Никольского (оно считалось лучшим), на участке Бикин–Хабаровск и в низовьях Амура (в районе Николаевского лесничества). При опытных лесничествах съезд рекомендовал организовать низшие лесные школы. Что касается лесоустройства, качество которого характеризовалось как неудовлетворительное, было высказано пожелание о слиянии землеотводных и лесоустроительных работ. Собравшиеся также рассмотрели меры борьбы с пожарами, вопросы повышения отпуска леса, строительства казенных предприятий по переработке древесины; вопрос о лесных концессиях отложили до решения земельных проблем Учредительным собранием. Съезд выразил доверие исполняющему обязанности управляющего государственных имуществ Н.П. Петрову-Попову, подвел итоги лесохозяйственной деятельности и наметил развитие этой отрасли на ближайшую перспективу (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 78).

В завершение работы (13 мая) съезд избрал исполнительное бюро в составе председателя Н.П. Петрова-Попова и членов Б.Н. Грекулова, Д.А. Мухорского и А.А. Юркова. Это бюро 11 июня 1917 г. рассмотрело журналы и протоколы съезда и постановило, что ряд решений съезда должны быть внедрены в жизнь немедленно, в частности учреждение коллегии лесничеств, созыв районных съездов не реже 2 раз в год; и др. В материалах съезда имеются тексты докладов хехцирского лесничего А.А. Юркова «О пожарах в лесах Приморской области» и лесоустроителя А.Н. Иванова «Лесоустройство Приамурья и Приморской области» (РГИА ДВ. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 11).

В решениях съезда было выражено стремление к демократическим преобразованиям в лесном хозяйстве – участие в управлении государственными имуществами представителей всех служащих (хотя и с правом совещательного голоса), повышение самостоятельности служащих лесной охраны и улучшение их материального положения. По сути это был съезд надежд, в процессе которого не забывали и об основных производственных проблемах.

5–10 сентября 1917 г. в Хабаровске состоялся очередной съезд лесоводов Приморской и Сахалинской областей. Председателем съезда был избран Н.А. Власов. На съезде в союз лесоводов были приняты члены Приморского лесного общества В.К. Арсеньев и В.Д. Ка-стальев. Председателем совета лесоводов был избран Н.А. Власов, товарищем председа-теля – М.Ф. Турзин. Съезд посетил представитель коммерческого отдела лесного департа-мента США. В числе 33 рассмотренных вопросов были назначения лесничих: А.С. Кри-венко – в Николаевский лесопильный завод (позже Кривенко отказался от руководства заводом), С.Н. Лашкевича – в Никольское лесничество, М.Ф. Турзина – в Свягинский завод, А.П. Вилькса – в Черниговское, а Н.Е. Рыбальского – в Даубихинское лесничество (РГИА ДВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 23).

21 ноября 1917 г. состоялся съезд лесоводов Приморской области. В числе подлежащих рассмотрению были следующие вопросы: изменение в уставе союза лесоводов, выборы совета, перемещение лесных чинов по месту службы и выборы лесных ревизоров (вместо назначения, как практиковалось до этого), а также о советах в лесничествах, лесоустрой-стве, участии союза лесоводов в лесном совете управления. Таким образом, съезды приня-ли на себя управленческие функции, решая наряду с организационными и техническими кадровые вопросы.

После Всероссийского делегатского съезда лесоводов в Петрограде (25 сентяб-ря–5 октября 1917 г.), в котором участвовали представители от Амурской и Приморской областей, был образован союз лесоводов и лесных кондукторов («солес»), отделения ко-торого появились и на Дальнем Востоке. Например, Приморский отдел Всероссийского союза лесоводов работал уже с сентября 1917 г. Союзы организовывались по профессио-нальному признаку, в них входили люди разных сословий (с чинами и без чинов), что в ряде случаев приводило к конфликтам. Так, 2-й съезд членов «солеса» Приморской и Сахалинской областей закончился скандалом, вызванным группой помощников лесничих, недовольных недостатком средств на поездку их представителя на Всероссийский съезд. На местах созывались съезды, в том числе лесной стражи ряда лесничеств, основным требованием которых было улучшение материального положения. Так что разные катего-рии лесных специалистов, входящих в самодетельный союз лесоводов, пытались решать каждая свои задачи: одни – выработать новую, более демократичную, систему управле-ния лесами, другие (прежде всего специалисты) – сохранить лидирующие позиции в этом процессе, не утратив сословных привилегий и не допустив анархии, третьи – улучшить жизненные условия.

В это время в регионе в широких масштабах проявлялись беспорядки: стихийное ле-сопользование в государственных и крестьянских лесах, захват земельных и сенокосных участков, неподчинение лесной страже и властям; в южном Приморье усилились бандит-ские действия хунхузов. Не прекращались случаи, когда население удаляло со службы лесников и лесных объездчиков и назначало других лиц. В связи с этим в регион поступил циркуляр, обязывающий образовывать советы лесничеств, вовлекая в них представителей волостных земельных комитетов и органов волостного земского самоуправления. Этому совету предоставлялось право подбирать кандидатов для выбора объездчиков и лесников, разрабатывать меры по охране лесов и т.д. (РГИА ДВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27).

В ноябре 1917 г. власть в стране перешла к большевикам. Лесные специалисты При-морской и Сахалинской областей, как это отражено в записке краевой лесной коллегии, подписанной лесным ревизором М.Ф. Турзиным, А.П. Лопыревым и С.А. Агафоновым-Мартовским, не признали октябрьский переворот, что и констатировала резолюция лесно-го съезда, состоявшегося 5–10 января 1918 г. В связи с увольнением большевиками управ-ляющего государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей П.И. Делле основной состав служащих управления забастовал и переехал из Хабаровска во Владиво-сток, где при областном земельном комитете был организован лесной отдел. Лесничие по-лучили распоряжение оставаться на своих местах и не входить в сношение с Хабаровским управлением государственных имуществ, где был организован комисариат совнаркома

(РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 79). То есть служащие Приморского управления государственных имуществ саботировали решения новой власти.

Второй съезд Приморского отдела союза лесоводов состоялся 5–10 января 1918 г. На нем был рассмотрен вопрос о реорганизации управления государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей, а также принято решение о восстановлении управления с отделами (общим, лесохозяйственным, лесоустроительным, хозяйственных заготовок леса и оброчно-горным). Кроме того, было рассмотрено разделение лесных объездчиков на два разряда, помощников лесничих – на три. Председателем совета «солеса» был избран А.Д. Лебедев.

В начале 1918 г. на одном из съездов лесничих Приморского управления государственных имуществ поднимался вопрос об охране лесов от пожаров [15].

10–14 февраля 1918 г. проходил съезд земельных комитетов Приморской области, который заявил о поддержке закона о земле, принятого Всероссийским учредительным собранием. Съезд предложил временные правила пользования сельскохозяйственным фондом. Согласно статье 33 основного закона о земле, все леса Приморской области должны быть разделены на леса государственного общенародного фонда и местные. Последние были представлены лесами хозяйственными (для нужд местного населения) и лесами промышленного значения (для нужд мелкой сельской промышленности, железных дорог, городов и т.д.). Хозяйственные леса поступали в ведение местных земельных комитетов, промышленные – в ведение уездных земельных комитетов, общенародные – в ведение областного земства. Разработка инструкции пользования лесами была поручена областному земельному комитету, после этого инструкция подлежала утверждению съездом земельных комитетов (РГИА ДВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27).

Третий съезд Приморско-Сахалинского отдела Всероссийского союза лесоводов (март 1918 г., Владивосток) постановил передать заведование государственными лесами областным земельным комитетам с образованием при них лесных отделов, к которым переходят технические функции управления государственных имуществ, а также состав служащих. Впредь до окончательного формирования отдела его функции временно должен исполнять совет «солеса», председателем которого был назначен А.Д. Лебедев, членами – Т.Л. Гродецкий, Н.А. Власов, А.Н. Иванов, И.А. Жиромский, Л.П. Хомяков, С.Н. Лашкевич, С.О. Пак, лесовод Ким и объездчик Соколовский. Временным заведующим отделом был избран П.И. Делле. Выборы планировали провести на очередном съезде членов «солеса» (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 79). На этом съезде посчитали выбывшими из состава «солеса» Б.А. Ивашкевича и еще 19 членов.

Во главе лесного управления в Приморской области стояли земельный комитет и специально учрежденный орган – лесной отдел, в котором было три отделения – лесоустроительное, лесотехническое и лесохозяйственное. Постановления лесного совета, который образовывали из работников лесного отдела для решения технических лесохозяйственных вопросов, принимали большинством голосов.

На заседании лесного отдела в марте была рассмотрена резолюция Всесибирского съезда сибирских отделов «солеса», в котором участвовал Н.А. Власов. Присутствовавший на заседании член Учредительного собрания от Камчатской области Лавров осветил состояние лесных дел в Петрограде. Согласно его информации Лесной департамент в лице министра Н.И. Фалеева вступил в соглашение с большевиками. После этого часть сотрудников в знак протеста покинули работу. Принятые на службу в департамент неспециалисты вносили только путаницу в работу этого органа. Таким образом, был сделан вывод о том, что центр разрушен, работу по наведению порядка в лесах надо начинать на местах (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 78).

В апреле 1918 г. Владивостокское областное земство было разогнано большевиками, земельный комитет распущен, но руководители лесного отдела получили распоряжение председателя областного земства Медведева и председателя земельного комитета Кучеренко продолжать работу. Комиссариат земледелия телеграммой от 3 апреля 1918 г.

напомнил всем, что не следует исполнять распоряжения Приморского областного земельного комитета по лесному отделу и другим самочинным земским органам (РГИА ДВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27).

Лесные служащие после совещания согласились продолжать службу, они приняли участие в съезде лесоводов (23–25 мая 1918 г., Хабаровск), на котором был организован лесной комитет для высшего управления лесами Приморской и Амурской областей – лесной департамент с двумя отделами. На этом съезде было заключено соглашение с представителями совнаркома о том, что работа лесных специалистов должна быть вне партийности и носить исключительно деловой характер. От лесоводов Амурской области на съезде присутствовал А.А. Строгий, вошедший в состав краевого лесного отдела в качестве председателя.

По приказу краевого лесного отдела при комиссариате земледелия Дальсовнаркома были откомандированы (с оставлением в должности) избранные в коллегию краевого лесного отдела М.Ф. Турзин, А.П. Лопырев и С.А. Агафонов-Мартовский. Для работы в Приморско-Сахалинском лесном отделе с 1 июня 1918 г. были назначены: таксатор Н.А. Власов – лесным ревизором 1-го района по лесохозяйственному отделу, лесной ревизор 3-го района Н.П. Петров-Попов – по административному отделу, ученый-лесовод А.Д. Лебедев – по лесотехническому отделу, хозяйственным лесозаготовкам и лесопильным заводам с исполнением обязанностей лесничего Шкотовского лесничества, таксатор И.А. Жиромский – по лесоустройству (РГИА ДВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27).

Комиссариат земледелия издал циркуляр от 15 июля об установлении административного и хозяйственного порядка в лесничествах, требующий строжайшего соблюдения дисциплины, полного напряжения сил в лесохозяйственной деятельности и установления тесной хозяйственной связи с местным населением. В циркуляре подчеркивалось, что лесничество – отдельная административно-хозяйственная единица, а лесничий – главный хозяин и администратор.

А.А. Строгий с коллегами (товарищем председателя Лопыревым, членами Агафоновым-Мартовским, Турзиным, заведующим административным отделом районного отдела Петровым-Поповым, старшим таксатором Утлинским и исполняющим секретаря Лемницким) обратились в Дальневосточный совет народных комиссаров 27 июля 1918 г. по поводу статьи комиссара Приморского районного лесного отдела Н. Бобрицкого в газете «Дальневосточные известия». В публикации комиссар высказал бредовые идеи по управлению лесными делами (упразднить лесоустроительные партии, уволить лесных ревизоров и лесничих, в руководство лесничества временно включить лесных техников, а затем освободиться и от них, ликвидировать лесничества, и т.д.). В письме Строгий с коллегами говорили о хозяйственной и экологической роли лесов, необходимости управления ими специалистами и рекомендовали освободиться от такого «специалиста», каковым показал себя комиссар (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 42).

Вновь организованные лесные органы работали три месяца. За это время большевиками было арестовано четыре лесовода, из них три члена Приморского лесного отдела. С переходом власти к Временному Сибирскому правительству краевая лесная коллегия должна была быть распущена и ее функции переданы представителю правительства, а до этого – лесному ревизору Н.П. Петрову-Попову (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 79). Коллегия краевого лесного отдела посчитала исполняемые ею по необходимости при большевиках функции оконченными и сложила с себя полномочия, передав управление государственными имуществами Приморской и Сахалинской области Н.П. Петрову-Попову, исполнявшему эти обязанности и при большевиках; члены коллегии обратились к своим прежним обязанностям, а Строгий несколько ранее отбыл в Благовещенск (РГИА ДВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27). Так закончилась попытка организовать дальневосточный лесной департамент. Далее управление лесами в Приморской и Амурской областях осуществлялось автономно, в зависимости от того, какое правительство находилось у власти.

В Хабаровске при комиссариате земледелия продолжал работать районный лесной отдел, в котором состоял Н.П. Петров-Попов; на основании постановления лесного съезда от 24 мая 1918 г. отдел в июле предложил лесничим приступить к отводу лесосек для нужд местного населения. С учетом горных условий ширина лесосек в лиственных насаждениях устанавливалась не более 50 саженей, в хвойных при сплошной рубке – не более 30 саженей.

Продолжавшиеся в регионе военные действия склоняли чашу весов то в одну, то в другую сторону. С падением власти большевиков в августе на части территории Приморской области (Ольгинский, Никольск-Уссурийский уезды и часть Иманского) тут же поступило обязательное постановление Приморского областного земельного комитета об отмене постановлений советской власти, подписанное заместителем председателя этого комитета А.А. Меньшиковым (РГИА ДВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27).

После известия об освобождении Хабаровска от большевиков на частном заседании бывших членов «солеса» П.И. Делле, Л.П. Хомякова и Т.Л. Гродецкого было решено собрать 23 сентября 1918 г. во Владивостоке съезд лесничих с повесткой дня, включающей следующие вопросы: о лесном управлении в области; о рассмотрении правил отпуска и охраны лесов; об условиях заготовки леса на экспорт; о хозяйственных лесозаготовках; и др. Инициативная группа из 18 лесничих и лесных ревизоров (в нее входили И.А. Жиромский, А.П. Лопырев, А.А. Милевский, В.П. Дресвин, И.А. Пелетев, М.Ф. Турзин, Н.Е. Рыбальский, С.В. Ушаков, П.И. Делле, Л.М. Геншель, Н.А. Власов, П.М. Виноградов, Д.М. Шмерлинг, Т.Л. Гродецкий, Л.П. Хомяков, А.Д. Лебедев, А.Н. Иванов, А.П. Вилькс) под председательством А.Д. Лебедева 1 октября решила образовать союз лесных специалистов Приморской и Сахалинской областей, поскольку существующий в Хабаровске «солес» не являлся выразителем мнения компетентных лиц по лесным вопросам. Был принят краткий проект устава и избран временный состав союза лесоводов в лице председателя А.Д. Лебедева и членов И.А. Жиромского, Н.А. Власова и А.П. Лопырева (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 79).

В июле 1918 г. был разослан циркуляр Временного Сибирского правительства об увольнении со службы активных последователей большевизма.

С 24 сентября по 1 октября 1918 г. во Владивостоке проходили заседания съезда таксаторов, лесничих и заведующих лесничествами Приморской и Сахалинской областей. Были рассмотрены вопросы о реорганизации лесного управления (пришли к выводу, что управление лесными делами, как и ранее, будет осуществляться через управление государственных имуществ), о содержании лесной стражи, лесничих и лесных школ, распределении лесничих по лесничествам, и т.д. На съезде работала комиссия по рассмотрению деятельности лесных чинов в период советской власти. По результатам работы этой комиссии было решено, что ряд лиц (Корнеенко, Савинов, Рябов, Заржицкий) оставлять на службе невозможно; кроме того, решено считать уволенными Падетского и Саноцкого (в связи с переходом в другие ведомства), а в отношении еще трех специалистов (в том числе Ивашкевича) произвести расследование. Дела лесного отдела областного земельного комитета передать в управление государственных имуществ в Хабаровск, а в лесном хозяйстве вернуться к законоположениям добольшевистского периода (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 79).

Постоянные совещания, заседания, съезды, неоднократная смена руководителей и форм управления лесными делами, практиковавшаяся частая замена места службы лесничих и прочая суета практически не оставляли времени для наведения порядка в лесах, которые подвергались опустошительным рубкам и пожарам. Кроме того, часть лесничих (например, Нежинского, Сучанского, Ивановского лесничеств) в связи с беспокойной и опасной для жизни обстановкой покидали места своей службы. Циркуляры и приказы, издаваемые, с одной стороны, управлением государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей от 13 марта 1918 г. о принятии самых решительных мер по борьбе с самовольными рубками, с другой – комиссариатом земледелия от 8 июня 1918 г.

с угрозами судебного преследования и даже исключения из общества виновных в хищнических порубках леса (РГИА ДВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 27), не могли остановить этот разрушительный процесс. В то же время в регионе был острый дефицит лесных материалов, в первую очередь дров.

В декабре 1918 г. дважды собирался лесной совет управления государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей по поводу начавшегося захвата войсковым правительством Уссурийского казачьего войска земли и лесничеств на территории бывшего отвода генерал-губернатора Духовского (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 78).

В Амурской области после увольнения новой центральной властью в 1917 г. исполняющего обязанности управляющего государственных имуществ Н.К. Шумана тоже в неспокойной и нестабильной обстановке работал Амурский отдел Всероссийского союза лесоводов. В ноябре областной съезд постановил организовывать при лесничествах коллективные органы – советы лесничеств, в состав которых должен входить лесничий, делопроизводитель, два представителя лесной стражи – один от постоянных рабочих и по одному от волостных земельных комитетов и органов волостных земельных управлений. Этот совет должен решать местные лесохозяйственные вопросы, охрану лесов от пожаров, порубок и т.д. (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 50).

На одном из заседаний были рассмотрены «Временные правила об охране лесов и их рубке», изданные Временным правительством 10 октября 1917 г. Лесной ревизор Амурской области Ф.Н. Чиликин оценил пределы применения этих правил и обратил внимание на то, что общественные леса в области отсутствуют, а частные занимают крайне незначительную площадь. В числе назревших вопросов, которые необходимо решать в области, он назвал установление планомерной и правильной эксплуатации лесов на нужды Амурской железной дороги, вовлечение в эксплуатацию хинганских лесных массивов, наведение порядка лесопользования в приисковых районах, организацию заказников в кедровниках, а также охотничьих заповедников, и т.д. По докладу Чиликина лесной совет постановил просить В.П. Корша через особую комиссию осмотреть Андреевскую, Молчановскую, Бобыльскую, Средне-Завитинскую и Погожинскую лесные дачи, поскольку местное население домогается обращения их полностью или частично в земельный фонд (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 1. Д. 51). В области был создан общественный комитет безопасности, который пытался навести порядок в лесных и земельных делах (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 1. Д. 13, 58).

27 февраля 1918 г. власть в области перешла к большевикам. Управляющий государственными имуществами области А.М. Черных, лесной ревизор В.С. Разсудов и ряд других лиц были убиты. Из служащих управления был образован временный коллектив в составе А.А. Строгого, Д.К. Подпруги, В.Н. Снегирева, И.С. Анищенко; в управление был назначен комиссар Матвеев (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 42). В марте в лесничества был отправлен циркуляр за подписями Строгого и Матвеева: «Принять все меры, чтобы текущая работа по лесничеству не прерывалась». Как видим, руководство лесными делами области установило деловые контакты с новой властью и было обеспокоено состоянием дел на местах.

В марте народным комиссаром земледелия центрального правительства Колегаевым было предписано всем земельным губернским, уездным и волостным комитетам и всем советам солдатских, рабочих, крестьянских депутатов не вмешиваться в деятельность лесничих и лишь сообщать о возникающих замечаниях по их деятельности в земельные комитеты или народному комиссару. С 1 апреля было упразднено управление государственных имуществ. Для заведования лесными делами при Амурском областном земельном комитете сформировали лесной отдел земельной управы (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 53).

12 мая состоялся съезд Амурского отдела Всероссийского союза лесоводов, на котором председателем Амурского совета был избран бывший управляющий государственных имуществ Н.Ф. Калиновский. В июне на лесном совете, посвященном организации лесного отдела, приняли устав Амурского отдела, в котором наряду с защитой профессиональных

интересов членов ставилась задача сохранения лесов и создания условий для правильного развития лесного дела на основе признания лесов государственным достоянием.

Состоявшийся 13 июня 6-й крестьянский съезд Амурской области на заседании лесной подсекции принял резолюцию о лесах области, в первом пункте которой устанавливалось, что леса должны находиться в ведении и управлении Амурского земельного комитета при посредстве лесного подотдела. На леса, входящие в общинные земельные наделы, не распространяются распоряжения по лесному управлению. В отдельном пункте была прописана необходимость приступить к облесению неудобных земель в степной полосе за счет государства. В такое бурное и сложное время крестьяне думали о будущем!

В июле краевой лесной отдел Дальсовнаркома разослал циркуляр, предписывающий лесным ревизорам и лесничим Амурской, Приморской и Сахалинской областей установить в лесничествах порядок и представить отчеты по прилагаемой форме, состоящие из четырех частей и содержащие финансовые, материальные и административные сведения (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 42).

15 октября 1918 г. власть в области перешла к Временному Амурскому правительству. В 1918–1919 гг. на заседаниях при управлении государственных имуществ, временным управляющим которого был назначен В.П. Корш (с сентября 1918 г.), с участием членов «солеса» постоянно рассматривались хозяйственные вопросы (о ревизии деятельности лесничеств, хозяйственных заготовках леса, самовольных рубках, пожарах, сохранении отдельных лесных массивов в лесостепной зоне, которые по решению сельских сходов намеревались вырубить, и т.д.). А.А. Строгий был помощником управляющего, в его обязанности входило заведование инспекторской, лесной, горной и судебными системами (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 40).

В связи с недостатком средств в мае 1918 г. временно исполняющий обязанности управляющего государственных имуществ области В.П. Корш подписал приказ об упразднении Степного и Алексеевского лесничеств, объединении Средне- и Нижне-Буреинского лесничеств под названием Буреинское; Мазановского, Норского и Селемджинского – под названием Селемджинское; Архарского и Екатерино-Никольского – под названием Архарское. В декабре 1918 г. лесничества были разделены на два района (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 40). К 1919 г. в Амурской области Лесной департамент предписал иметь 17 помощников лесничих (что свидетельствует о произошедшем сокращении числа лесничеств) – двух 1-го разряда, одиннадцати – 2-го и четырех – 3-го. Во исполнение приказа об увольнении со службы бывших красноармейцев и красногвардейцев Строгий, временно исполнявший обязанности управляющего, в апреле 1919 г. уволил лесного объездчика Тыгдинского лесничества, бывшего секретарем местного совдепа. В целом большевистские идеи построения нового, справедливого общества еще не овладели основной массой крестьянства. Большевистские ячейки были в рабочих коллективах заводов; в частности, в одном из доносов сообщалось о том, что большевистское «гнездо» имеется на казенном Алексеевском лесопильном заводе (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 4).

К началу 1920 г. лесные дела в области входили в ведение управления земледелия и государственных имуществ, сформированного на базе учреждений бывшего переселенческого управления и управления государственных имуществ, при котором был лесной подотдел. Начальником управления был ученый лесовод А.Г. Корвин-Киюц, его помощником – А.А. Строгий. На совещании в январе, где обсуждалась необходимость повышения лесных такс, были приведены объемы отпуска леса в области: 1916 г. – 784 817 м³, 1917 г. – 538 812, 1918 г. – 197 532 м³ (за 1919 г. данных по отпуску леса не было, хотя сведения о доходах имелись), что свидетельствовало о резком снижении объема лесозаготовок (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 62). Решили повысить таксы в 30 раз, а в июне – до 1000 раз по сравнению с 1916 г. В марте председателем отдела земледелия Амурской области был разослан приказ о том, что местные власти не имеют права вмешиваться в деятельность лесничих. В апреле была разослана «Инструкция волостным земельным

отделам о порядке отпуска лесных материалов из лесных дач Российской Советской Федеративной Республики», изготовленная типографским способом.

В июне 1920 г. прошло общее собрание членов Амурского отдела союза лесоводов, на повестке которого стояли вопросы об организации в лесничествах подразделов союза лесоводов, лесном образовании и др. В октябре постановлением народного революционного комитета управляющим лесным хозяйством Амурской области был назначен А.Т. Шестаков. Согласно его циркуляру от 18 ноября 1920 г. относительно штатов в области должно быть 12 лесничих, 15 помощников лесничих, 12 делопроизводителей, 70 объездчиков и 20 лесников. В конце декабря 1920 г. управляющим лесным хозяйством области был назначен В.П. Корш. С 16 февраля 1921 г. лесной подотдел возглавил И.П. Рыбак (бывший лесной ревизор Вятского управления государственных имуществ, попавший на Дальний Восток с ополчением), а с 1 марта 1921 г. – А.Г. Корвин-Киюц.

11 октября 1921 г. Амурское областное правление обязательным постановлением ввело временные правила лесопользования в государственных лесах, подписанные заведующим лесным подотделом И.П. Рыбаком. Согласно этим правилам бесплатное пользование лесом в государственных лесах прекращалось, древесину отпускали по таксам 1916 г. Отпуск леса местному населению из отведенных ему наделов осуществлялся бесплатно. Рубка по лесорубочным билетам допускалась круглый год, на местах рубок разрешалась разделка деревьев на сортименты (бревна), сидка смолы и дегтя, а также углежжение с оплатой по количеству полученных продуктов (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 71).

В мае 1922 г. лесной отдел Амурского областного управления был преобразован в центральное управление лесов, начальником которого назначили ученого, лесоведа 1-го разряда Кузнецова. В докладе министру народного хозяйства ДВР Кузнецов в числе первых и главных условий возрождения лесного хозяйства отметил то, что нельзя лесных работников держать на «положении общего голодного существования» (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 71).

27 июня 1922 г. Амурское областное управление издало обязательное постановление об охране лесов от пожаров, согласно которому охрана лесов возлагается на местные органы лесного хозяйства, а также на уездные, волостные, сельские и поселковые управления. Последним предписывалась организация в селениях нарядов, состоящих из местных жителей, для тушения пожаров и палов. Эти наряды, а в особых случаях и все население, способное к работам по тушению пожаров, должны безотлагательно и безоговорочно являться к месту пожара с лопатами и другими инструментами. Денежное вознаграждение за тушение пожаров не было предусмотрено. В документе были перечислены меры по предупреждению пожаров. До этого (в мае) вышел приказ главнокомандующего начальникам военных гарнизонов оказывать содействие в борьбе с лесными пожарами по требованию местной лесной администрации (РГИА ДВ. Ф. 710. Оп. 2. Д. 71). В июле этого же года были оглашены временные правила о бесплатных и льготных отпусках лесных материалов из государственных лесов ДВР.

В управления государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей лесной совет в составе управляющего советом А.Д. Лебедева и членов – лесного ревизора Т.Л. Гродецкого, лесничего И.А. Жиромского, а также бывшего вице-директора Лесного департамента Б.В. Трувелера и других участников в мае 1920 г. рассмотрел вопрос об организации лесозаготовительного отдела. Совет постановил параллельно с развитием частной лесной промышленности немедленно расширять казенные лесозаготовки, для чего организовать центральный лесозаготовительный отдел, положив в основу его работы вновь разработанные правила о казенных хозяйственных заготовках леса. Для претворения решения лесного совета в жизнь была организована комиссия, в которую входили помимо лесных чинов представители лесопромышленников, управляющий ведомственной промышленности Временного правительства Дальнего Востока и другие лица.

Советом были выработаны «Инструкция для производства работ по выделению лесного фонда хозяйственного значения для населения Приморской области» (в ней было

36 параграфов) и проект «Инструкции о порядке производства долгосрочных отпусков леса из казенных дач в районах неэксплуатационных или с ограниченным сбытом предприятиям по механической и химической переработке древесины». В развитие последнего документа было создано положение о долгосрочных отпусках леса, согласно которому лесные площади сдаются без торгов на срок не более 36 лет. Ходатайства о долгосрочной эксплуатации леса рассматривала комиссия, в составе которой были лесной ревизор лесоустройства Ивашкевич, заведующий лесоэксплуатационным отделом Трувелер и другие специалисты (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 83).

К 1919 г. в государственных лесах Приморской области, по материалам земского собрания, было 23 лесничества, среди которых появились Бикинское, Иманское, Полтавско-Гродековское, Вяземское, Неженское, Муравьево-Амурское, Переяславское и Народное [7], но исчезли Амгунское (выделенное из Николаевского в 1915 г.), Барабашевское, Посьетское, Хабаровское (вошедшее в 1915 г. в состав Кур-Урмийского лесничества), Николаевское и Императорское. Ошибки в перечне лесничеств в этом документе быть не должно, поскольку речь в нем шла о взимании налогов. До этого, согласно списку лесничих, в Приморской области было 24 казенных лесничества (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 113). На оккупированном Сахалине по-прежнему оставалось одно лесничество, но распоряжались лесами японцы, которые в сентябре 1920 г. ввели «Правила о лесном промысле в казенных лесных дачах», подписанные главнокомандующим экспедиционными войсками Сахалинской области генерал-лейтенантом Козима [6: «Записка о правовом положении русских в Сахалинской области», Приложение № 12, с. 445–447]. Отсутствие в списке земского собрания Николаевского лесничества связано скорее всего с тем, что и на этой территории хозяйничали японцы, рассчитывающие на постоянное закрепление на оккупированных землях.

Во время интервенции работа лесной охраны была парализована. Были отмечены инциденты японцев с представителями лесной службы. Так, в конце мая 1921 г. японские жандармы арестовали И.А. Жиромского и представителя лесной заставы на станции Океанская. В июне этого же года у лесничего Черниговского лесничества Устинова произвели обыск, за ним японцами была установлена слежка по подозрению в связи с партизанами (РГИАДВ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 13).

В 1920 г. возникли трудности с финансированием лесничеств, которых, судя по протоколу заседания секции по реорганизации управления государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей (РГИАДВ. Ф. 94. О. 1. Д. 78), было 25 (включая Сахалинское). В связи с этим по предложению Т.Л. Гродецкого было решено упразднить должность лесников, заменив их в тех местах, где потребуется, лесными объездчиками. Чуть позже в связи с сокращением штатов лесной ревизор Л.П. Хомяков предложил объединить ряд лесничеств: Нежинское и Славянское, Никольское и Ивановское, Черниговское и Даубихинское, Будищевское и Шкотовское, Сучанское и Засучанское, Ольгинское и Народное, Успенское и Муравьево-Амурское, Николаевское и Амгунское. Таким образом, количество лесничеств могло уменьшиться на 8 (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 83).

В годы интервенции и военных действий лесное хозяйство фактически не велось, но леса интенсивно вырубались, особенно на участках, расположенных поблизости от транспортных путей и по побережью. В связи с этим верховный правитель России адмирал Колчак в апреле 1919 г. изменил порядок взыскания убытков за самовольные лесные порубки в казенных дачах и ужесточил наказания за такие порубки; в результате ряд статей Устава лесного (ст. 793, 795–802) были изложены в другой редакции [16].

Действующие законодательные акты по лесному и оброчному делу в Приамурском крае были собраны в специальный сборник [16] и изданы управлением земледелия и государственных имуществ Приморской, Сахалинской и Камчатской областей. В предисловии к «Сборнику...» говорилось о том, что послужило для этого: «Разгром некоторых канцелярий лесничих во время гражданской междоусобицы, образование новых лесничеств, развитие долгосрочных лесных отпусков и большая заинтересованность в лесной

промышленности как русских, так и иностранных финансовых сфер...». В «Сборнике...» были помещены избранные статьи Лесного устава, «Правила для отпуска, рубки и сплава леса в Приамурском крае», «Правила лесопользования на наделах сельского населения в Приамурском генерал-губернаторстве», «Правила для устройства пасек в казенных лесных дачах...», выписка из «Правил о побочных пользования», главные условия для продажи леса лесозаготовительным артелям и «Нормальный устав артели», которым запрещалось использование наемного труда. Таким образом, управление государственных имуществ пыталось в сложившейся обстановке навести хоть какой-то порядок в лесах, опираясь на ранее действующие законодательные акты и вводя новые.

Почти полная потеря контроля за лесопользованием привела к поиску мер борьбы с самовольными рубками. На совещании при Никольско-Уссурийской земской управе в ноябре 1920 г., в котором участвовали лесной ревизор Т.Л. Гродецкий, лесничие И.А. Жиромский, Солоножкин, К.Л. Хацинский и С.Н. Лашкевич, было решено учредить лесные заставы (РГИА ДВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 83).

В январе 1921 г. было введено «Положение о лесных заставах в Приморской области и инструкция по надзору на них» [16, с. 172–176]. В разосланном циркуляре о введении этого «Положения» говорилось, что управление лесами по согласованию с Никольским, Иманским и Ольгинским земствами в целях борьбы с самовольными порубками, принявшими в последнее время угрожающий характер, как в казенных, так и в крестьянских лесах, учитывая полную невозможность контроля за рубками в местах лесозаготовок, в сложившейся обстановке приняло решение прибегнуть к организации лесных застав.

Лесные заставы, как записано в первом параграфе «Положения», учреждаются для надзора за провозом и вывозом лесных материалов и изделий как на внутренний, так и на внешний рынок. Заставы устраиваются на внутренних рынках сбыта, железнодорожных станциях и в пунктах побережья, где производится погрузка лесных материалов. Заставы должны вести контроль за тем, чтобы на рынки сбыта не допускались лесные материалы, за которые не внесена попенная плата. Для контроля устанавливались специальные билеты; корешок билета лесничий хранил у себя, а два талона должен был отдать заготовителю – один для места погрузки, а другой – для предъявления на заставе конечного пункта. Для вывоза леса из крестьянских лесов должны предъявляться особые квитанции, выдаваемые волостными или сельскими самоуправлениями. При отсутствии необходимых документов лесные материалы подлежали секвестированию и продаже с аукциона.

Предусматривалась организация застав трех разрядов – I, II и III. Служащие на лесных заставах состояли на государственной службе по лесному управлению. «Положение о лесных заставах» было подписано начальником лесного управления Приморской области А.Д. Лебедевым и «скреплено» лесным ревизором Т.Л. Гродецким.

В январе 1921 г. лесной совет рассмотрел первые результаты введения лесных застав и констатировал, что заставы начали работать. Что касается применения жестких санкций к задержанным лесным материалам, то их решили не реализовать в полной мере, поскольку еще далеко не все знали о введенном порядке провоза лесных грузов. На этом же заседании совета было решено бесплатно отпускать 150 бревен и 50 жердей для инвалидов войны и лиц, вернувшихся из плена, жилища которых требуют капитального ремонта (РГИА ДВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 44).

В целом введение застав оказалось эффективной мерой, особенно после обращения в службу движения Уссурийской железной дороги с предписанием не принимать лесные грузы без удостоверения лесного надзора. Эта мера позволила контролировать движение лесных грузов, заготовленных в том числе и для японских лесопромышленников. В частности, в архивных делах имеется письмо лесного ревизора в адрес союза японских лесозэкспортеров во Владивостоке о том, что на лесные материалы, заготовленные для японской фирмы Койке и К^о на побережье Татарского пролива в зимний сезон 1919/20 г. в размере 315 872,9 куб. футов кедрового леса, наложен арест вследствие неуплаты попенных денег;

такие же меры приняты к древесине лесопромышленника Мицуи, заготовленной в Шкотовском лесничестве (РГИА ДВ. Ф. 95. О. 1. Д. 12).

По мнению О. Гордона, введение застав на всей территории ДВР могло бы улучшить контроль за лесопользованием; по крайней мере он это мероприятие считал необходимым [3].

В 1921 г. была создана комиссия по сдаче лесных площадей в долгосрочную эксплуатацию. Возглавил ее А.Д. Лебедев, в состав комиссии вошел представитель формирующейся организации «Эксплолес» ученый-лесовод Василевский, представитель отдела земледелия Крылов; предполагалось ввести сюда лесного ревизора (РГИА ДВ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 15).

История лесных концессий на Дальнем Востоке затрагивалась во многих публикациях. По сведениям Д.А. Шулятьева [21], более полно и объективно осветившего эту проблему, сдача лесных концессий Приморским областным управлением осуществлялась по решению, принятому 12 апреля 1921 г., согласно которому на побережье Татарского пролива были предъявлены к торгам 15 участков (Амгу, Кема, Кхуцин, Нельма, Самарга, Коппи, Ботчи и др.) общей площадью 4 470 тыс. десятин. Право на получение арендных участков имели только русские граждане, объединенные в акционерные общества или товарищества [21]. Но в мае этого же года во Владивостоке произошел меркуловский переворот. Оставшиеся на местах работники лесного ведомства сдали 11 участков площадью 2 770 тыс. десятин¹ в аренду на 24 года русским предпринимателям Волковинскому, Делле, Власову, Орлову, Венде, Пикару и Сергееву, которые внесли арендную плату в размере почти полутора миллионов рублей. Ссылаясь на японские источники информации, Шулятьев приводит факты ввоза в Японию древесины из Приморья (например, в 1922 г. 736,3 тыс. м³), что позволило ему согласиться с существовавшим мнением о том, что русские лесопромышленники были подставными агентами японских фирм. За 1921 и 1922 гг. в Японию из Приморья было ввезено около 1 млн м³ делового леса.

Более подробно об особенностях лесозаготовок на участках, сданных в концессию, написал анонимный автор в журнале «Русское Приморье» [5]. По его сведениям, в результате тяжелого финансового положения, в котором оказались дальневосточные лесопромышленники в связи с политическими событиями, приведшими к девальвации «сибирских» и «буферных» денег, им пришлось обращаться к иностранному (японскому) капиталу. Сами русские арендаторы никакого руководящего участия в делах концессий не принимали, администрация, технический персонал и большая часть (85%) рабочих были представлены японцами. Принятые на себя обязательства (внесение денег на лесоустройство, сооружение зданий для лесного надзора, ведение отчетности на русском языке, доля участия русских рабочих; и др.) японская сторона под всякими предлогами старалась не исполнять. На участках, сданных в долгосрочную аренду, не строили лесопилки, возводимые здания для рабочих и администрации носили временный характер, что свидетельствовало о стремлении минимизировать расходы, не производя капитальных затрат. Древесину заготавливали в ближайших районах к сплаву, в размерах, не превышающих минимальный отпуск (6–7 куб. футов с десятины), экспортировали в бревнах. При приемке заготовленной древесины японцы старались занижить размеры бревен, получить скидки на фаут и другие выгоды; на лесозаготовках были высокими цены на продукты; отмечены случаи задержки выплаты денег за заготовленный лес, что вызывало нарекания и даже угрозы забастовок со стороны рабочих. Кроме того, японцы самовольничали, высаживая на побережье рубщиков леса, а заготовленный лес тут же грузили на пароходы и отправляли в Японию. По официальным данным в 1920 и 1921 гг. вырублено и вывезено около 3 млн куб. футов леса на сумму 400 тыс. золотых рублей без уплаты сумм, причитающихся лесному ведомству,

¹ В.С. Флеров [19], ссылаясь на С.С. Григорьевича, писал о том, что было сдано в концессию 16 участков общей площадью 4,5 млн. десятин. Анонимный автор [5] указывал, что летом 1921 г. шести лицам (Делле, Власову, Орлову, Пикару, Венде и Сергееву) было сдано 10 участков площадью 2 600 тыс. десятин, а в апреле 1922 г. предприниматель Волковинский получил участок в 130 тыс. десятин. Эти данные, как и публикация в журнале «Экономическая жизнь Дальнего Востока» (1924, № 4 (8)), подтверждают сведения Д.А. Шулятьева [21].

и таможенных сборов². По отношению к местному населению японцы зарекомендовали себя «с дурной стороны». С лесными промыслами японцев впоследствии были связаны большие лесные пожары по побережью Татарского пролива. Помимо лесозаготовок в концессиях японцы скупали лес у населения в районах Самарги, Тернея, Ольги и южнее [5].

На территории, примыкающей к железнодорожной линии Хабаровск–Владивосток, заготовка осины с 1920 г. практически оказалась в руках японцев, которые скупали древесину по низкой цене, зарабатывая на этом не менее 60–100 % годовых.

В условиях интервенции учет количества вывезенного в Японию леса, по свидетельству Н.С. Новоселова с соавторами [14], не производился. В 1920–1922 гг. заготовка леса для вывоза в Японию из районов северного и южного побережий с участков, сданных в долгосрочную аренду частным русским лесопромышленникам, которые были подставными агентами японских фирм, проводилась под охраной японских и интервенционных войск. Вывоз леса осуществляли на японских судах, поэтому точного его учета не было [2]. Но некоторые сведения все же есть: например, по данным Владивостокского таможенного инспектора, за навигационный период 1920 г. из Императорской Гавани, бухт Ванина, Белимбо, Терней и Джигит было вывезено 76 948 бревен (РГИА ДВ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 12).

Об участии японского капитала в заготовках леса на побережье Татарского пролива, где в 1921 г. было сдано 11 участков общей площадью 2 610 тыс. десятин, также писал анонимный автор в журнале «Экономическая жизнь Дальнего Востока» [11].

Очень кратко состояние лесного дела на российском Дальнем Востоке в конце капиталистического периода освоения этой территории охарактеризовано в «Докладах Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока...» [6], подготовленных для Вашингтонской мирной конференции 1921 г. В состав комиссии, которая готовила доклады о состоянии разных отраслей хозяйства, входили лесные специалисты Т.Л. Гродецкий и Д.А. Кочетков; раздел четвертый, посвященный лесному делу, подготовил агроном Б.В. Трувелер [18]. В этом разделе рассмотрено современное состояние лесной промышленности в регионе и ближайшие перспективы, связанные с концессионной сдачей лесов. Важным фактором для возрождения и развития лесной промышленности в регионе, по мнению автора, являлось разностороннее участие иностранного капитала. К докладу были приложены: характеристика главных древесных пород, произрастающих на Дальнем Востоке, и их технических свойств, краткое описание основных лесных формаций по районам (состав, возраст, запас, некоторые промышленные характеристики), описание проектируемых концессионных участков в Николаевском, Народном, Нижне-Амурском, Кур-Урмийском и Успенском лесничествах, а также приведен образец «Договора на долгосрочную эксплуатацию лесов в Приамурском крае для химической и механической переработки древесины». Здесь же перепечатано объявление о сдаче в долгосрочную эксплуатацию на побережье Татарского пролива 15 лесных участков на срок до 24 лет, опубликованное в «Вестнике Приморской области» (1921, № 7), а также охарактеризованы основные пункты выхода древесины из приамурских и приморских лесов на мировые рынки по данным выписки из протокола заседания лесного совета при Приморско-Сахалинском управлении земледелия и государственных имуществ от 23 июля 1919 г.

Как видим, лесной раздел был подготовлен в информационном плане для привлечения лесопромышленников и иностранного капитала к участию в развитии лесозаготовок и переработке древесины на российском Дальнем Востоке. В тезисах доклада обращено внимание на то, что перспективы участия иностранного капитала в лесных предприятиях региона значительно возросли с момента разрешения сдачи лесных участков в долгосрочную эксплуатацию. Наиболее приемлемая форма участия иностранного капитала –

² В. Анисимов считал, что за два года господства в Приморье японские промышленники вывозили ежегодно не менее 20 млн куб. футов леса [1]. А по данным А. Лебедева, которые он называл официальными, в 1921 г. было вывезено 5 150 192 куб. футов, в 1922 г. – 12 071 758 куб. футов леса [10].

акционирование русских лесопромышленных предприятий, расширение деятельности банков, предоставление механического оборудования на льготных условиях и организация морского транспорта, приспособленного для перевозки лесных грузов.

Правительство Дальневосточной Республики 4 августа 1922 г. приняло «Закон о лесах» [8], в котором говорилось, что «все леса с естественными богатствами, в них находящимися, в чем бы пользовании и владении они ни находились, являются достоянием трудового народа Дальневосточной Республики». В законе был прописан общий порядок пользования лесами, предусматривающий платное, бесплатное и льготное лесопользование для общественных и личных нужд. В 23-й статье закона постулировалось, что «все постановления Устава лесного и других законоположений о лесах, не противоречащие правилам настоящего Закона, в том числе и постановления статей, карающих за совершение проступков и преступлений, в них предусмотренных, сохраняют свою силу и после издания сего Закона».

Во времена ДВР развитие лесной промышленности планировалось вести по двум направлениям: 1) создание государственных трестов и 2) сдача в аренду концессионных лесных участков. Второе направление считалось основным, оно было поддержано съездом лесных специалистов в 1922 г., признавшим в принятии лесоконцессионной политики единственный выход для привлечения крупного промышленного капитала к эксплуатации лесных богатств. 8 марта 1921 г. правительство Дальневосточной Республики утвердило «Основные положения о лесных концессиях» с целью привлечения частного (в том числе иностранного) капитала, о чем телеграфно были извещены руководство Приморской области и руководитель лесного подотдела Лебедев (РГИА ДВ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 15). В долгосрочную аренду (на срок до 24 лет) предусматривалось сдавать лесные площади в местах незаселенных или малозаселенных. Концессии могли сдаваться как российским подданным, так и иностранцам, которые обязывались оборудовать предприятия по механической и химической обработке всей заготавливаемой древесины; экспорт леса допускался лишь в обработанном виде (кроме лиственницы). В первые 5 лет к работе на предприятии допускалось не более 75% иностранцев, далее – не больше 50%. Позже в это положение вносились коррективы, в частности, срок аренды был продлен до 36 лет. Были перечислены концессионные участки в Приморской области, Приамурье и Забайкалье [3, 4].

В 1922 г. был создан государственный лесопромышленный трест «Эксплолес» в целях создания и проведения единого плана развития государственной лесной и деревообрабатывающей промышленности ДВР. На трест возлагалось объединение всех промышленных предприятий ДВР, связанных с лесом.

В октябре 1922 г. Дальний Восток был полностью освобожден от интервентов. В ноябре Дальневосточная Республика вошла в состав Российской Федерации, и на всей территории российского Дальнего Востока начала действовать Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и законодательные акты этой страны. Наступили новые времена в жизни российского Дальнего Востока, в использовании и изучении его лесов и других природных ресурсов.

В начале советского периода в Приморье было 21 лесничество, 21 лесничий, 42 помощника, 260 человек лесной охраны [10]. В Амурской области к 1 августа 1922 г., по А.А. Строгому [17], осталось всего 10 лесничеств (Албазинское, Черняевское, Тыгинское, Селемджинское, Зейское, Пёрское, Кумарское, Томское, Архарское и Бирское). К 1922 г. количество деревоперерабатывающих заводов в Приморской области сократилось до 16, из них только 3 были казенными; общее количество пилорам составляло 35 [5]. На всем Дальнем Востоке к этому времени было 20 лесопильных заводов с 48 рамами [20].

Таким образом, к началу советского периода лесное хозяйство на Дальнем Востоке находилось в почти разрушенном состоянии – уменьшилось количество лесничеств, особенно в Амурской области, были до минимума сокращены лесная администрация и лесная охрана, Приморье и Приамурье понесли существенные потери за счет расхищения лесных богатств. В «смутные» годы в лесном хозяйстве была практически утрачена связь

между областным руководством и нижним звеном в лице лесной охраны, которая нередко испытывала со стороны населения неприязненное и даже враждебное отношение к себе как к представителям старой власти, препятствующим свободному пользованию лесами и другими природными богатствами, объявленными общенародным достоянием. Но в целом все звенья лесной службы предпринимали необходимые шаги к сохранению лесов на российском Дальнем Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов В. Задачи хозяйственного закрепления русского Дальнего Востока // Экон. жизнь Дальнего Востока. 1923. № 1 С. 30–42.
2. Вирясов Б.А. Леса Дальневосточного края. М.; Л.: Гослестехиздат, 1933. 246 с.
3. Гордон О. Лесное хозяйство ДВР и его перспективы // Экон. жизнь Дальнего Востока. 1922. № 1. С. 81–93.
4. Гордон О. Экономический обзор заграничных рынков сбыта лесов ДВР в связи с лесоконцессионной политикой // Экон. жизнь Дальнего Востока. 1922. № 2. С. 30–44.
5. Деятельность японских лесопромышленников в Приморской области // Русское Приморье. 1922.
6. Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию 1921 г. Владивосток: Изд. Прим. окружной Торгово-промышл. палаты, 1922. 459 с.
7. Доклады управы и материалы комиссии земского собрания. Четвертое чрезвычайное Приморское областное земское собрание. 24 июля – 4 августа 1919 г. Т. 2. Владивосток: Изд. Прим. обл. земской управы, 1919. Доклад № 17-а.
8. Закон о лесах // Экон. жизнь Дальнего Востока. 1922. № 3/4. С. 150–153.
9. История Дальнего Востока России. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 631 с.
10. Лебедев А. Лесное хозяйство и лесопромышленность Приморья // Сов. Приморье. 1926. № 1/2. С. 19–37.
11. Лесопромышленность // Экон. жизнь Дальнего Востока. 1924. № 4 (8). С. 112–122.
12. Манько Ю.И. Лесное дело на российском Дальнем Востоке. 1859–1922. Владивосток: Дальнаука, 2011. 383 с.
13. Морозов Г.Ф. К открытию Всероссийского делегатского съезда лесоводов // Лесн. журн. 1917. Вып. 9/10. С. 611–614.
14. Новоселов Н.С., Кожевников Ф.А., Моисеенко С.Н. Леса и лесная промышленность ДВК // Вестн. ДВ фил. АН СССР. 1938. № 30 (3). С. 33–54.
15. Разночинцев И. К вопросу о мерах борьбы с лесными пожарами // Приморский хозяин. 1918. № 1/2. С. 46–53.
16. Сборник законоположений по лесному и оброчному делу для Приамурского края. Владивосток: Управление гос. имущества Приморской, Сахалинской и Камчатской областей, 1922. 194 с.
17. Строгий А.А. Амурский лесной справочник. Благовещенск: Изд. Амурского лесного общества, 1922. 88 с.
18. Трувелер Б.В. Лесное дело на русском Дальнем Востоке // Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию 1921 г. Владивосток: Изд. Приморской окружной торгово-промышленной палаты, 1922. С. 141–201.
19. Флеров В.С. Первые мероприятия советской власти по охране природных богатств Дальнего Востока от иностранных хищников (1922–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып. 4. Томск: Гос. ун-т, 1965. С. 174–198.
20. Цымек А.А. Лесоэкономические районы Дальнего Востока. Хабаровск: Кн. изд-во, 1959. 240 с.
21. Шулятьев Д.А. Лесозаготовительная промышленность Дальнего Востока. Историко-экономический очерк. Хабаровск: Кн. изд-во, 1974. 336 с.